

ГЛАВА 46 (44). КАТАСТРОФА

— Ты ведь даже не заметил, что я не прикасался к той пилюле, — бросил Ло Си.

Он вновь воззвал к Умину. Меч породил бесчисленное множество призрачных клинков, которые в яростном танце схлестнулись с алебардой Небесного квадрата.

— Мошенник! — взревел Цветочный Генерал.

Ло Си лишь коротко кивнул, лихорадочно просчитывая каждый шаг. Меч — восьмиграмма в небесах — начал слабеть. На этот раз юноша достал из фарфорового флакона настоящую Пилюлю Восстановления Истока. Едва он проглотил её, как хлынувшая энергия преобразилась в истинную сущность, наполнив всё тело. Кровь на обрубке руки наконец перестала сочиться.

Взмахнув рукой, Ло Си призвал ещё один артефакт. Маленький колокольчик, раскачиваясь из стороны в сторону, внезапно раздулся до исполинских размеров и с гулом обрушился на Хуа Цзяна.

Генерал широко распахнул глаза. Увернувшись от громадной бронзовой туши, он метнул алебарду. Оружие в полёте разделилось надвое: одна часть обратилась острым мечом, другая — пылающей яростным пламенем алебардой.

Мечом Хуа Цзян упёрся в колокол, а алебарда продолжила преследовать цель. Но тут из недр артефакта раздался звук, заставивший саму душу содрогнуться. Генерала пронзила невыносимая боль, и яд на его руке начал расползаться быстрее. Потеряв контроль над ситуацией, он уже не мог преследовать Ло Си — все силы уходили на то, чтобы не лишиться чувств от оглушительного, сводящего с ума звона.

Ло Си не упустил этот миг. Собрав все остатки сил, он оседлал Умин и рванулся вглубь болота Чёрного Дракона. Хуа Цзян, едва справляясь с колоколом, бросился было следом, заметив беглеца.

— Довольно, — раздался в его голове голос Хуа Шуин, переданный через талисман за тысячи ли. — Пусть идёт. Усмири зеркало и колокол.

Ло Си летел, едва осознавая реальность. Сначала ранение и добровольное лишение руки, затем — насильственное вытягивание сил из Зарождающейся Души с помощью пилюли. Тело медленно восстанавливалось, но процесс регенерации костей и плоти приносил муку, с которой не шло в сравнение даже само отсечение конечности. Он не знал, сколько длился этот полёт. Боль в конце концов стала невыносимой, и он, сорвавшись с меча, рухнул напрямик в вязкую тину. Сознание угасло.

Он пришёл в себя от пронизывающего холода — испарения болота Чёрного Дракона были ледяными. Небо затянуло свинцовым маревом, вокруг не было ни единой живой души. Шатаясь, Ло Си поднялся, опираясь на ствол высохшего дерева.

Впереди, вонзаясь в тучи, высился кратер спящего вулкана. Юноша взглянул на свою руку: она отросла лишь наполовину, и болтающийся обрубок только мешал. Он оторвал полосу ткани от изорванной одежды и покрепче прибинтовал его к телу.

Переведя дух, Ло Си попытался сообразить, сколько пробыл в забытьи. Нужно было спешить. Он снова вскочил на Умин и направился к вершине горы. Внезапно в области дантяня вспыхнула резкая боль, и с губ сорвался сгусток чёрной крови. Ло Си горько усмехнулся, вспомнив чёрную воду у входа в пещеру демонов. Поистине, последователи пути тьмы обожают яды.

«Нужно вернуться и предупредить учителя, иначе эта вода погубит многих братьев», — подумал он. Однако истинная сущность, пробуждённая пилюлей, начала вести себя странно. Потоки энергии в теле вздулись, в глазах замелькали вспышки. Нехорошее предчувствие сдавило грудь. Ло Си вскинул голову к небу и быстро прикинул сроки на пальцах. Он помрачнел. Больше всего на свете он хотел избежать этого сейчас, но судьба распорядилась иначе.

Небо, и без того мрачное, окончательно почернело, скрыв последние крохи света. В толще туч глухо заворчался гром.

Ло Си поднялся выше и опустил на самый край кратера. Внизу зияла абсолютная пустота, от которой веяло могильным холодом. Даже практик стадии Зарождающейся Души не мог противостоять ледящему дыханию этого места — входа в царство мёртвых. Это был страх, запечатлённый в самых глубинах души. Призрачный мир Юмин — обитель теней, не сумевших войти в круг перерождения. Даже небожители не жаловали эти края.

Ло Си не знал, существуют ли боги на самом деле. Единственное, чего он хотел — отомстить, а затем провести остаток дней с тем, кого любит. Бессмертие само по себе не имело цены. Если путь к вершине ведёт лишь к вечному одиночеству, то грош цена такому пути.

Молния, затаившаяся в облаках, наконец сорвалась вниз.

В глазах Ло Си вспыхнул золотой блеск, всё тело окутало едва заметное сияние. Рука восстанавливалась с пугающей быстротой, и эта боль, накладываясь на агонию регенерации, заставляла холодный пот градом катиться по лбу.

Небеса нанесли удар в самый худший момент.

В любое другое время это сочли бы великим благом, чудом, о котором мечтали бы все ордена. Достичь стадии Пустоты в неполные двадцать лет — такого мир не видел тысячи лет. Куньлунь

бы гордился им, глава и старейшины охраняли бы его покой, подготавливая лучшие защитные артефакты.

Но сейчас... Яд в жилах, изнурённое тело, отсутствие защиты. Это было не испытание, а смертный приговор.

Ло Си стоял перед жерлом вулкана, и он самоиронично усмехнулся. Сверху на него готовился обрушиться гнев небес, а под ногами разверзлась бездна для неприкаянных душ. Неужели само мироздание желает его смерти?

Внезапно поднялся неистовый ветер. Он разметал длинные чёрные волосы юноши, заставил его изорванные одежды биться на ветру со стальным свистом. Ло Си не шелохнулся. Смахнув с губ чёрную кровь, он внезапно расхохотался — громко, безумно, бросая вызов рокочущему небу. Хохот эхом отражался от стен кратера.

— Неужели ты и впрямь решило покончить со мной, старое небо?!

В тучах сверкнула золотая змея, разрывая небосвод, и ударила прямиком в кратер.

Там, глубоко внизу, среди бесчисленных печатей медленно вращался кроваво-красный Девятикратный сосуд. Под ударом молнии на нём проступили бирюзовые знаки, озарив призрачным светом вход в царство мёртвых.

Едва первая молния стихла, Ло Си спрыгнул в бездну. Сгусток его сердечной крови брызнул на поверхность артефакта.

Тело юноши содрогнулось, он рухнул на колени. Глаза закрывались сами собой, но он заставлял себя смотреть. Шатаясь, он вновь поднялся.

В облаках вновь запульсировали электрические разряды. Гром приглушённо ворчал, словно копя силы для сокрушительного удара. Раздался оглушительный треск, от которого задрожала вся гора. Белый столп света прошёл пространство, ударив в землю.

Ло Си ослеп на мгновение. Над его головой раздался неясный звон меча, вернувший крупицу сознания. Умин по собственной воле встал на защиту хозяина, принимая на себя основной гнев небесного огня.

Юноша поднял взгляд и увидел, как на чёрном лезвии меча пролегла тонкая трещина. Он опустился на обгоревшие камни, тяжело хватая ртом воздух. На лбу его зияла глубокая рана, кровь заливала глаз.

Однако печати на Девятикратном сосуде всё ещё держались. В голове Ло Си созрел безумный план: использовать мощь небесного испытания, чтобы сокрушить запрет. Следом обрушилось

ещё несколько молний поменьше, и все их принял на себя Умин. Трещин становилось всё больше, клинок буквально крошился на глазах. Тело Ло Си превратилось в сплошную рану.

В его внутреннем мире Зарождающаяся Душа билась в агонии, энергия рассеивалась. Демонический близнец — тёмная сторона его души — приоткрыл глаз. В зрачках Ло Си поверх золотого сияния проступила багровая пелена.

Но ему было плевать. Он должен забрать Девятикратный сосуд. Ханьчи ждёт его.

Умин спас его жизнь, но его сил не хватало, чтобы разрушить печать артефакта. Ло Си, сидя в позе лотоса, в последний раз выжал из себя всю духовную силу. Он собственноручно переломил верный меч, с которым провёл годы. Клинок отозвался прощальным стоном.

— Прощай, старый друг, — мягко произнёс Ло Си.

Он оставил обломки парить над собой, чтобы те дробили удары, пропуская ровно столько разрушительной мощи, сколько нужно для уничтожения печати. Он знал: одно прямое попадание он выдержит.

Но в этот момент пробудившийся Демонический Зародыш начал безумную охоту. Две души в одном теле принялись пожирать друг друга. Свет и тьма сошлись в схватке, не зная пощады.

Мир захлебнулся в ослепительном сиянии. Небесный гром, ставший ещё мощнее, обрушился на кратер. Перед глазами Ло Си всё стало багровым. Он упёрся руками в землю, чувствуя, как на плечи ложатся осколки Умина.

«Ещё один удар. Только один».

Девятикратный сосуд всё ещё парил над чёрным омутом, но бирюзовое свечение его знаков заметно померкло.

За тысячи ли отсюда Хуа Шуин безмолвно смотрел на бронзовый колокол в своих руках, касаясь застывших на нём капель крови. На северо-востоке внезапно сгустились зловещие тучи. Вспышки, одна ярче другой, терзали небосвод, заставляя содрогаться самую твердь.

Глядя в ту сторону, Хуа Шуин тихо произнёс:

— Кажется, кто-то пытается пробиться к стадии Пустоты.

Едва он договорил, колокол в его руках задрожал. Родинка в форме цветка на его лбу вспыхнула нестерпимым жаром, словно собираясь выжечь плоть.

Внезапно бирюзовые молнии слились в одну гигантскую сияющую ленту и с яростью обрушились на землю.

Даже далёкий Куньлунь ощутил лёгкую дрожь. Почтенный Хэнтай открыл глаза, быстро прикинул что-то в уме и лишь тяжело вздохнул.

Мо Ханьчи задремал в своей комнате, но внезапный раскат грома вырвал его из сна. Он открыл глаза — небо было ясным и безмятежным. Юноша нахмурился. Почему ему привиделись молнии? В душе поселилась странная, необъяснимая тоска. Сон больше не шёл.

Хуа Шуин корчился от боли. Чужой голос пронзил его сознание, заставляя кататься по полу. Холодный пот пропитал алые одежды. Хуа Цзян, не выдержав, принял человеческий облик и прижал его к земле.

В его голове вспыхивали обрывочные видения, складываясь в жуткую картину. Земля, выжженная лавой, горы трупов, чёрное небо, озарённое всполохами огня. И фигура на фоне грозовых туч — человек с багровыми, мёртвыми глазами, в которых двоились зрачки.

Хуа Шуин резко распахнул глаза.

— Хуа Цзян! — позвал он, теряя былое величие. — Живо в болото Чёрного Дракона! С ним не должно ничего случиться! Будь оно всё проклято... это его день испытания!

После ослепительной вспышки чёрное лезвие Умина окончательно рассыпалось в прах под грохот затихающего грома. Маленький каменный треножник — Десятикратный сосуд — наконец оказался в руках Ло Си.

В ту же секунду его духовная сила вырвалась наружу, не сдерживаемая более ничем. Ло Си выплюнул кровь, его губы тронула слабая улыбка. Перед глазами всё поплыло.

«Ханьчи... жди меня».

Слабеющими пальцами он активировал талисман. Бумага обратилась чёрным ястребом, который, подхватив окровавленный артефакт, взмыл в небо и вскоре превратился в едва заметную точку.

Мо Ханьчи сидел в комнате, погружённый в оцепенение. Прошло десять дней. Посланники Хань Цзинцина приходили уже дважды — пора было отправляться в путь. Он не знал, куда делся Ло Си. Все эти дни прошли как в тумане.

В дверь снова настойчиво постучали. Мо Ханьчи чувствовал, как ноги налились свинцом. Кто-то снаружи обронил фразу: «Один из старейшин ордена не выдержал небесного испытания... погиб».

Он поднялся, глянул на пустую кровать. В панике распахнул дверь, выскочил в коридор и тут же вернулся обратно, заперевшись. У входа стоял Бай У, его глаза были красными от слёз.

— Скажи Хань Цзинцину... Ло Си в медитации. Мы выедем через пару дней, — быстро проговорил Мо Ханьчи.

Бай У, обычно старавшийся казаться взрослым, внезапно прижался к нему и горько зарыдал. Маленькое тельце дрожало от всхлипов.

— Ханьчи... Ханьчи...

— Не плачь, Бай У. Что случилось? — Мо Ханьчи почувствовал, как в голове начинает шуметь. Почему он всё не возвращается?

— Ханьчи, приди в себя! Ло Си пал! — Лэн Ушуан стоял в дверях, его лицо было полно скорби. Стоявший рядом Цинь Синчжи хотел что-то добавить, но осёкся под тяжёлым взглядом Лэн Ушуана. Судя по лицу Синчжи, гибель Ло Си была на его совести.

Мо Ханьчи никак не отреагировал на слова Лэн Ушуана. Он попытался вернуться в комнату и закрыть дверь. Бай У, зажатый в его руках, случайно ушибся и закричал ещё громче. Мо Ханьчи пришлось открыть дверь. Лэн Ушуан, улучив момент, подставил ногу и вошёл внутрь.

— Ты с ума сошёл? Ты мешаешь Ло Си тренироваться! — закричал Ханьчи.

Скорбь на миг отразилась в глазах Лэн Ушуана. Игнорируя крики, он осмотрел погружённую в полумрак комнату и взмахнул веером, заставляя светильники вспыхнуть в полную силу.

Мо Ханьчи пришёл в ярость. Он выхватил Бахуан, поток жара сорвал часть крыши, алые всполохи меча метнулись к Лэн Ушуану.

Тёмная фигура мелькнула рядом, перехватывая его клинок. Мо Ханьчи на миг замер. Знакомая мягкая улыбка... В ту ночь, под брызгами фейерверков, он улыбался так же.

Ханьчи посмотрел в сторону и снова скривил губы в подобии усмешки. Ло Си обещал. Обещал

быть рядом. У него ещё старые счёты, он не мог просто так уйти.

— Ханьчи...

— Ханьчи, давай всегда будем вместе...

Вчерашние слова всё ещё звучали в ушах. А сегодня — лишь чужое, холодное: «Пал».

Мо Ханьчи попытался улыбнуться так, как это делал Ло Си. Он медленно приподнял уголки губ, борясь с дрожью, стараясь подавить всю горечь.

— Да как же ты... — начал он.

Он больше не мог сдерживаться. Горячие слёзы одна за другой покатались по щекам. Он дрожал, сохраняя эту страшную, вымученную улыбку. Улыбаться, как оказалось, было невыносимо трудно.

Хань Цзинцин вошёл в комнату, встав перед мечом Бахуан. Увидев лицо Мо Ханьчи, он сразу всё понял. Он хотел сказать слова утешения, но в этот миг любые слова казались лишь пустым, бессмысленным звуком. Он смог лишь тяжело вздохнуть.

<http://bllate.org/book/17550/1719553>